

О ПРИНЦИПАХ И МЕТОДАХ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ

Субстратная топонимия составляет довольно значительный пласт в общем числе русских географических названий. Необходимость ее исследования диктуется целым рядом соображений, связанных как с лингвистическими, так и с историческими данными. Возможность с помощью изучения субстратных фактов восстановить многие фрагменты исчезнувших языков, а также выявить исторические процессы, имевшие место в прошлом, и обуславливает тот интерес, который проявляется в настоящее время к исследованию топонимического субстрата на территории русского заселения. Можно отметить также, что изучение субстратных топонимов может дать целый ряд интересных данных для других наук — географии, ботаники, зоологии, геологии и т. д.

Вместе с тем анализ субстратного материала связан с рядом трудностей, преодоление которых требует выработки комплекса принципов и методов. В настоящее время трудно говорить о каком-либо единстве в методике исследования среди ученых, обращающихся к исследованию субстратных топонимов. Более того, нет обобщающих трудов, в которых бы описывались существующие методики исследования. Как правило, принципы и методы формулируются исследователями для каждого конкретного случая и обычно разбросаны по разным работам, нередко отражая эволюцию во взглядах ученого. Очевидно, есть необходимость рассмотреть вопросы методики специально, сопоставив различные точки зрения.

Ниже сделана попытка описать и оценить основные направления, по которым идет в настоящее время анализ субстратной топонимии.

Как отмечает А. И. Попов, — и с этим, думается, согласны все исследователи, — «окончательной целью топонимического исследования является по возможности точное определение языкового характера местного названия или группы местных имен (русское, удмуртское, эстонское, татарское и т. д.), времени его возникновения и соответствующих исторических обстоятельств, а также выяснение дальнейшей истории названий той или другой области»¹.

---

¹ Попов А. И. Географические названия. М.—Л., 1965, с. 28.

Анализ субстратной топонимии может быть представлен как ряд процедур или приемов, причем во многих случаях их последовательность может иметь принципиальный характер.

Первым необходимым условием для изучения субстратной топонимии является наличие материала.

Подавляющее большинство исследователей считает наилучшим методом сбора материала топонимические экспедиции. Полевые записи дают возможность точно установить фонетическую форму топонимов, ударение, собрать топонимические легенды, установить физико-географические свойства обозначаемых реалей и т. д. Как отмечает А. И. Попов, собирание топонимических данных является работой того же характера, что и труд диалектолога, описывающего тот или другой местный диалект². При сборе материала, как показывает опыт, необходимо фиксировать не только географические названия, но и ту часть нарицательной лексики, которая может быть приложена к физико-географическим объектам: местные географические термины, обозначения растений, животных и т. д. Наличие данных этого рода может в дальнейшем оказать неоценимую помощь при этимологизации топонимов.

Собранный полевым методом топонимический материал оказывается неизмеримо более полным и подробным, чем тот, который можно извлечь из письменных источников, в частности из топографических карт.

Работа по сбору субстратной топонимии не может быть ограничена только выявлением географических названий на местах. Целесообразно изучить по возможности наиболее полно летописный, актовый материал, касающийся данной местности а также писцовые книги, карты и другие подобные материалы³. Однако привлекать в исследовании материал письменных источников следует с большой осторожностью, дополняя им полевые данные. А. К. Матвеев пишет: «До сих пор приходится встречаться с мнением, что все необходимые для изучения топонимии той или иной территории данные можно найти в письменных источниках, например в писцовых книгах и актах генерального межевания, или извлечь из топографических карт. Нет сомнения, что исторические документы и топографические карты всегда будут очень важным источником для топонимических исследований и особенно при составлении топонимических словарей и атласов; однако трудно, например, производя формальный и фонетический анализ, полагаться на разновременные фиксации в писцовых книгах, где одно и то же название предстает в самом разном облике прежде всего вследствие ошибок при записи и переписке»⁴.

² Попов А. И. Географические названия, с. 92.

³ Там же, с. 93.

⁴ Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии.— *Вопр. языкознания*, 1965, № 6, с. 7—8.

Отбирая материал для изучения, исследователь может столкнуться с двумя случаями: субстратный язык известен или его предстоит определить (восстановить). В качестве примера первого случая (субстратный язык известен) можно привести мансийскую субстратную топонимию в бассейне р. Тавды (Северный Урал). Русские поселения по Тавде возникали исключительно в мансийском окружении. Никаких, даже косвенных, данных о наличии здесь до русских сколько-нибудь значительных групп немансийского населения не имеется. Естественно поэтому при объяснении субстратных названий обратиться к мансийскому языку, точнее, к его диалектам. Наличие точных исторических сведений позволяет миновать такой трудоемкий этап исследования субстратной топонимии, каким является определение языка-источника, к которому восходят названия. Поэтому весь материал, не поддающийся интерпретации на базе русского языка, должен быть подвергнут анализу исходя из мансийских данных⁵.

Намного сложнее исследовать субстратную топонимию, когда язык, к которому восходят названия, неизвестен. По существу именно здесь наблюдается наибольшая разница во взглядах на методику исследования, что ведет к различию в выводах и построениях.

Прежде всего необходимо исключить возможность какой-либо предвзятости в истолковании языковой принадлежности географических названий. Если задаться целью объяснить все названия из какого-то определенного языка, то можно быть уверенным, что в конце концов какая-то часть топонимов получит объяснение, хотя оно и не будет соответствовать истинному положению вещей. Известен, в частности, пример такого ошибочного толкования со стороны крупного слависта А. И. Соболевского. А. И. Соболевский в период 1919—1929 гг. печатал в «Известиях Отделения русского языка и словесности» ряд работ, в которых задался целью объяснить все неясные географические названия Европейской России из «скифских» языков. В настоящее время этимологии А. И. Соболевского не могут быть признаны удачными.

Таким образом, этимологические построения без предварительного формального изучения материала малодоказательны и часто ведут к ошибочным заключениям. Поэтому при наличии собранного материала необходим тщательный анализ с целью отобрать ряды гомогенных топонимов, т. е. восходящих к одному субстратному языку. При этом в качестве исходного положения выдвигается то, что топонимы того или иного субстратного языка должны иметь некоторые общие черты. Как

---

⁵ См.: Глинских Г. В. Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде.— В кн.: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978.

отмечает А. П. Дульзон, топонимы составляют ряды или классы по чисто внешним признакам (особенности состава и распределения звуков, наличие общих компонентов), по семантическому признаку названия (река, озеро и т. д.), по морфологическому признаку (простое слово, производное, словосочетание; существительное, различаемое по родам, прилагательное)⁶. С помощью таких приемов удастся добиться обозримости топонимического материала, часто весьма значительного.

Из всех этих признаков в подавляющем большинстве исследований на первоначальном этапе изучения используется лишь один — наличие общих компонентов. Обращение именно к этому признаку далеко не случайно. Дело в том, что на большей части территории русского заселения субстратные языки характеризовались агглютинативным строем. Географические названия в агглютинативных языках имеют одну общую особенность — в конце топонима выступает лексический компонент, указывающий на класс реалии (река, озеро, гора и т. д.) и являющийся номенклатурным термином, ср. в мансийской топонимии: *Ванс-Сос*, *Евт-Ханнэ-Сос*, *Косма-Сос*, *Лёхынг-Сос* и др. (манс. *сос* «ручей»)⁷. Именно эта особенность обусловила обращение к классификации по топонимическим формантам. Сущность методики заключается в том, что исследователь подбирает топонимы с одинаковым исходом (например, *-нга* — в топонимах *Анданга*, *Бабенга*, *Барсинга* и др.; или *-ега* — в топонимах *Мегрега*, *Онега*, *Пинегга*, *Ярега*). Этот исход называют топонимическим формантом. Предполагается, что формант может восходить к географическому термину со значением «река», «озеро» и т. п. Некоторые ученые считают, что общность форманта дает право говорить и об общем происхождении топонимов на разных территориях. Так, Б. А. Серебренников сопоставляет севернорусскую и сибирскую топонимию только на основании сходства топоформантов⁸.

Существенные возражения против этой точки зрения высказываются целым рядом исследователей. Так, А. К. Матвеев указывает, что лишь раздельный анализ «совпадающей топонимии с последующим установлением материального сходства в тополексемах и фонетическом составе может явиться основанием для выводов о единстве ее происхождения»⁹.

⁶ Дульзон А. П. Приемы анализа адаптированных топонимов субстратного происхождения. — В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.

⁷ См.: Глинских Г. В., Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимике. 1. — В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1975, вып. 10.

⁸ Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий. — Вопр. языкознания, 1959, № 6, с. 49; *Он же*. Топонимические загадки Сибири. — *Onomastica*, 1959, 1.

⁹ Матвеев А. К. Историко-этимологические разыскания. — Учен. зап. Урал. ун-та, 1960, вып. 36, с. 97—98.

Как отмечает А. И. Попов, внешняя одинаковость форманта на разных территориях объясняется в значительной степени тем обстоятельством, что на широкой территории, заселенной многими разноязычными народами, всегда найдется какое-либо сходство части географических имен в отношении их формантов¹⁰.

Таким образом, для того чтобы предполагать общее происхождение топонимов, необходимо, чтобы они образовали достаточно плотный единый ареал. Однако, как отмечает ряд ученых, и этого условия порой бывает недостаточно, чтобы говорить о гомогенности названий с тем или иным формантом. Даже на одной территории встречаются однотипные топонимы, которые могут иметь различное происхождение¹¹.

Итак, первым этапом исследования субстратной топонимии является, по мнению большинства исследователей, классификация названий по общим элементам. Различные взгляды на природу топонимических формантов будут рассмотрены ниже. Здесь же следует упомянуть о точке зрения В. А. Никонова, который считает, что при исследовании субстратного материала необходимо в первую очередь исходить из данных фонетической статистики. Суть предлагаемого им метода изложена в ряде статей¹². В. А. Никонов считает, что изучение субстратной топонимии в тех случаях, когда язык субстрата неизвестен, должно осуществляться по следующей схеме:

язык	фонетика — словообразование — лексика — семантика	язык
неизвестен		хорошо известен

Опираясь на положение, что те или иные звуки имеют неодинаковую частоту в различных языках, а также различные законы сочетаемости, В. А. Никонов делает вывод, что если проанализировать частотность и дистрибуцию отдельных звуков и звукосочетаний в субстратной топонимии на той или иной территории, то можно сделать вывод о языке-источнике, к которому восходят названия.

При всей заманчивости предлагаемого В. А. Никоновым метода он имеет весьма существенные недостатки, которые и не позволяют в настоящее время активно использовать его при изучении субстратной топонимии. Прежде всего следует отметить, что в приведенной выше схеме указывается, что язык

¹⁰ Попов А. И. Географические названия, с. 116.

¹¹ См.: Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — *Вопр. языкознания*, 1959, № 4, с. 36; Попов А. И. Материалы по топонимике Карелии. — *Сов. финно-угроведение*, 1949, № 5, с. 63—64.

¹² См.: Никонов В. А. Неизвестные языки Поочья. — *Вопр. языкознания*, 1960, № 5; Он же. Язык неизвестен. — В кн.: *Топонимика Востока. Новые исследования*. М., 1964; и др.

известен лишь на конечном этапе исследования. Однако фактически при такой методике язык должен быть определен уже после первого этапа, так как обращение к словообразованию и тем более к лексике может быть произведено лишь на базе конкретного языка. Кроме того, производя фоностатистический анализ сразу всех субстратных топонимов, засвидетельствованных на той или иной территории, мы должны имплицитно предполагать их единое происхождение. В противном случае окажется, что устанавливаемая частотность и дистрибуция характеризуют топонимы, совершенно различные по происхождению, и обращение к определенному языку-источнику попросту невозможно. Как уже отмечалось, субстратная топонимия может иметь различное происхождение даже в рамках одного региона. Именно поэтому для применения фоностатистического метода необходим предварительный анализ с целью добиться возможно большей однородности исследуемых данных. Именно этой цели и служит анализ по общим элементам, или, как частный случай, по топонимическим формантам.

Еще один недостаток методики, предлагаемой В. А. Никоновым, состоит в том, что топонимы рассматриваются вне связи с фонетической адаптацией, которая, несомненно, имела место при усвоении русскими иноязычных названий. За долгое время существования в русской речи названия могли быть изменены. Кроме того, сравнивая частотность употребления тех или иных звуков или их сочетаний, В. А. Никонов обращается в целом к системе того или иного языка, а не к принадлежащей этому языку топонимии. Между тем специфический набор лексем, образующий топонимию того или иного языка, может иметь несколько иную частотность употребления звуков или сочетаний, нежели в языковой системе в целом. Этот вопрос пока изучен недостаточно, поэтому к отождествлению топонимической лексики и лексики всего языка следует подходить с большой осторожностью.

Большинство исследователей единодушны в том, что первоначальный анализ следует начинать с выделения общих элементов — топонимических формантов. Топоформант устанавливается на основе большого числа собранных фактов. Выделение его должно подчиняться строгим правилам и не может зависеть от произвола исследователя.

Вместе с тем именно здесь отмечаются значительные разногласия. Оказалось, что в каждом конкретном случае далеко не всегда возможно с полной определенностью выделить топонимический формант. Дело в том, что формальный подход не позволяет определить, каким числом звуков следует ограничиться при выделении топоформанта. Так, в названии реки *Шарденьга* (на русском Севере), если взять его изолированно, можно выделить, например, формант *-а*. В этом случае данный гидроним окажется в огромном ряду топонимов с конечным *-а*

(ср. *Двина, Печора* и др.). Ясно, однако, что такой подход малоинформативен и не позволяет выделить группы топонимов, которые должны иметь общее происхождение. Именно поэтому при выделении топоформанта следует пытаться вычленить большее число элементов (звуков), которые объединяют ту или иную группу топонимов.

Так, А. К. Матвеев указывает, что на территории русского Севера в трехсложных названиях на *-га* выделяется ряд типов. «Самую значительную группу составляют названия рек на *-еньга, -енга, -аньга, -анга, -оньга, -онга* и т. д. (т. е. на «гласный + *-ньга, -нга*»)». Корреляции типа *Юм-озеро* и *Юм-еньга* показывают, что здесь следует выделять формант «гласный + *-ньга, -нга*». Чаше всего встречается *-еньга, -енга* (70 %). Другую большую группу составляют топонимы на *-уга, -юга* (*Изюга, Мендюга, Ошуга, Пундуга, Ремлюга*). Они, очевидно, родственны топонимам на *-уг, -юг*, широко распространенным в бассейне р. Юга. Топонимы на *-ега* (*Онега, Пинега, Синега, Шилега* и др.) часто встречаются в ареале топонимики на *-юга*»¹³.

Иную точку зрения отстаивает Б. А. Серебренников¹⁴. Близкую к нему позицию занимает и Е. М. Поспелов¹⁵. В работах названных исследователей по существу любое часто встречающееся гидронимическое окончание (например, *-га, -ма, -ша* и т. п.) объявляется субстратным словом со значением «река», «вода». Поскольку обозначений рек при такой интерпретации оказывается слишком много, обилие «речных суффиксов» объясняется, во-первых, синонимией, существовавшей в языке-источнике (ср., например, в коми-зырянском языке термины *ю, ва, шор, ёль*, обозначающие реку), а во-вторых, диалектной дифференциацией и фонетическими изменениями. В результате на территории русского Севера Б. А. Серебренников выделяет такие «речные суффиксы», как *га, ма, ша, ба, ла, ра, са* и др.¹⁶

Резкой критике эта точка зрения была подвергнута в работах А. И. Попова и А. К. Матвеева¹⁷.

Как отмечает А. К. Матвеев, если следовать методике Б. А. Серебренникова, то в конечном счете оказывается, что «речных суффиксов» в субстратной топонимии Севера почти столько же, сколько в русском языке сочетаний согласный + гласный (в функции последнего выступает гласный *а*)¹⁸.

¹³ Матвеев А. К. Субстратная топонимика русского Севера.— *Вопр. языкознания*, 1964, № 2, с. 67.

¹⁴ См.: Серебренников Б. А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— *Вопр. языкознания*, 1955, № 6.

¹⁵ См.: Поспелов Е. М. Географическая терминология в анализе субстратной топонимии.— В кн.: Местные географические термины в топонимии. М., 1966.

¹⁶ Серебренников Б. А. Волго-окская топонимика..., с. 27—28.

¹⁷ См.: Попов А. И. Географические названия, с. 101 и след.; Матвеев А. К. Дофинно-угорская гипотеза и некоторые вопросы методики топонимических исследований.— *Сов. финно-угроведение*, 1967, № 4, с. 145—149.

¹⁸ Матвеев А. К. Дофинно-угорская гипотеза..., с. 145.

Опровергается и положение об обусловленности множества «речных суффиксов» диалектной дифференциацией, так как ареалы подавляющего большинства «суффиксов» совпадают¹⁹. Трудно объяснить их разнообразие и комбинаторным варьированием, так как все они встречаются после гласных. Таким образом, с предположением, что в едином субстратном языке было около двух десятков обозначений реки, ни в коем случае нельзя согласиться.

Как уже отмечалось, к позиции Б. А. Серебренникова примыкает Е. М. Пospelов, утверждающий, что «чисто формальный формантный анализ... сводится к анализу географических терминов»²⁰. По существу это означает, что исследователь, выделяющий топонимический формант, заранее знает, что тот или иной формант должен восходить к одному из географических терминов. Истоки такого взгляда в общем объяснимы: поскольку в качестве субстратных для русского языка выступают, как правило, языки агглютинативного строя, исследователи пытаются искать полную структурную аналогию между топонимами языка субстрата и современными формами топонимов. Эта позиция кажется совершенно понятной и логичной, однако есть целый ряд моментов, которые при такой постановке вопроса не учитываются.

Изучение субстратной топонимии на территории тех регионов, где язык субстрата неизвестен, должно, очевидно, опираться на те закономерности, которые выявляются в ходе исследования субстратных географических названий заведомо гоомогенного происхождения и восходящих к заранее известному языку. Покажем это на примере русской топонимии мансийского происхождения в бассейне р. Тавды (левый приток Иртыша в нижнем течении). В данном случае для нас представляет интерес исход топонимов, где, собственно говоря, исследователи и ищут формант (детерминатив), восходящий к географическому термину. Как оказалось, мансийские субстратные топонимы в бассейне р. Тавды довольно часто не имеют в исходе формантов, восходящих к географическим терминам.

Вопрос об эллиптических названиях²¹ достаточно сложен и нуждается в специальном рассмотрении. Прежде всего необходимо обращение к топонимической системе языка-источника. Вопреки утверждению Б. А. Серебренникова, который считает, что эллиптические названия не типичны для тюркских и финно-

¹⁹ Матвеев А. К. Дофинно-угорская гипотеза..., с. 146.

²⁰ Пospelов Е. М. Географическая терминология в анализе субстратной топонимии, с. 14—15.

²¹ Под эллиптическими названиями здесь условно подразумеваются топонимы, в составе которых отсутствует детерминатив, но не являющиеся географическими терминами в самостоятельном топонимическом употреблении. Ясно, что в эту группу попадут и топонимы, которые не имели детерминатива в языке-источнике.

угорских языков²², ряд исследователей отмечает, что такие топонимы в указанных языках не являются исключением. На материале тюркской топонимии это показано в работах К. Ф. Гриценко²³ и М. Т. Муминова²⁴. Довольно часто встречаются названия без детерминатива в топонимии коми²⁵. Что же касается мансийской топонимии, то Е. И. Ромбандеева замечает: «У манси к названиям больших рек не принято добавлять словоформу *ja*, например *tāyt* «Сосьва», *lūsum* «Лозьва», *polum* «Пелым» и т. д. Подобные названия употребляются с формантом *-ja* лишь при объяснении, например на плане «*tāyt* — это название реки, т. е. *tāyt-ja*». Население эту тенденцию объясняет тем, что большие реки всем известны, так что не нужно их еще называть реками»²⁶.

Полевые материалы Севернорусской топонимической экспедиции, работавшей в вершинах рек Лозьвы и Северной Сосьвы, подтверждают наличие эллиптических названий в мансийской топонимии. Следует отметить, прежде всего, что номенклатурный компонент может отсутствовать не только у названий таких крупных рек, как *Лозьва*, *Сев. Сосьва*, *Обь* и др., но и у рек значительно меньших: ср. р. *Висум*, прав. пр. Лозьвы (рус. *Ушма*), *Пурма*, лев. пр. Ушмы (рус. *Пурма*), *Тукта*, лев. пр. Вижая (рус. *Тохта*) и др. Надо признать, однако, что по местным масштабам эти реки также относительно большие.

Интересно, что иногда в мансийском употреблении гидроним выступает в эллиптической форме, в то время как его русский эквивалент может быть воспринят как полная форма: ср. манс. р. *Авысти* (прав. пр. Лозьвы) = рус. *Аусня*.

Необходимо отметить, что эллиптические названия встречаются и в мансийской оронимии, причем также обычно при обозначении относительно крупных объектов: ср. названия горных хребтов *Яныг-Емки* и *Мань-Емки* (между верховьями Вишеры и Печоры) — рус. *Яны-Емты* и *Мань-Емты*, хр. *Сисун* (по прав. бер. р. Лозьвы) — рус. *Чистоп*, г. *Паквна* (возле хр. Чистоп) — рус. *Пакна*, хр. *Лялянгк* (*Ялянгк*) (в вершине р. Ивдель) — рус. *Мартай* и др.

Е. И. Овчинникова, исследуя топонимию коми, приходит к заключению, что «эллиптирование сложных названий опреде-

²² Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий, с. 39.

²³ Гриценко К. Ф. Якутские топонимы на *-лах*. — В кн.: Языки и топонимия Сибири. 1. Томск, 1966, с. 39; *Она же*. Якутские топонимы на *-быт*. — Там же, с. 49.

²⁴ Муминов М. Т. Русская топонимия субстратного происхождения в междуречье Тавды и Исети. Канд. дис. Свердловск, 1970, с. 79—83.

²⁵ См.: Кривошекова-Гантман А. С. Гидронимия коми-пермяцкого происхождения в Прикамье. — В кн.: Географические названия Прикамья. Пермь, 1968, с. 20—24; Овчинникова Е. И. Коми топонимия в лексической системе русского языка. Автореф. канд. дис. Томск, 1970, с. 13.

²⁶ Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов. — В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М., 1965, вып. 3, с. 48.

ляется деэтимологизацией первой части топонима и заключается в сокращении топонимического термина»²⁷. Заметим, что эллиптические названия в топонимии верхнелозьвинских манси также чаще всего плохо объясняются из современного верхнелозьвинского диалекта мансийского языка. Вместе с тем в мансийской топонимии нельзя сводить причину эллиптирования только к деэтимологизации, так как имеются эллиптические названия и с прозрачной внутренней формой: руч. *Выгыр-Витуп* (лев. пр. Ушмы) — рус. *Вырвитуп*, ср. манс. *выгыр* «красный», *вит* «вода», т. е. «красноводный», р. *Аньсюкв* (прав. пр. Вижая) — рус. *Анчуг*, ср. манс. *аньсюкв* «старик».

Нельзя поэтому исключить возможность влияния и других факторов. Так, Е. И. Ромбандеева и М. Т. Муминов в качестве возможных причин, которые могут способствовать эллипсису, называют величину и известность объекта²⁸, что также находит свое подтверждение в мансийской топонимии верхней Лозьвы: чаще всего эллиптические названия обозначают более или менее крупные и известные объекты.

Кроме того, требует исследования вопрос о влиянии ситуативного контекста на употребление названия в эллиптической форме. В порядке предварительных наблюдений заметим, что когда речь идет о горном узле в целом, манси могут употреблять некоторые названия без номенклатурного термина: хр. *Лунт-Хусап* (в вершине р. Лозьвы), хр. *Нята-Рохтум* (в вершине р. Вишеры). Однако когда имеется в виду конкретное место, употребляется полная форма, например: *Лунт-Хусап-Сяхл*, *Нята-Рохтум-Сори-Сяхл* (манс. в-лозьв. *сяхл* «гора, вершина»).

Таким образом, эллиптические названия, т. е. не имеющие в своем составе детерминатива, довольно часто встречаются в мансийской топонимии. При исследовании их поэтому необходимо иметь в виду, что детерминатив мог отсутствовать уже в языке-источнике.

Довольно сложным является вопрос о возможности эллипсиса на русской почве, так как в каждом конкретном случае трудно доказать, что эллипсис произошел именно в ходе русского усвоения. Так, взяв для примера название р. *Шольчина* (манс. *сёльси* «горноста́й»+суффикс имен обладания -*η*), мы вправе предположить эллипсис (*Шольчиη-я*), однако определить, в мансийском или русском употреблении был эллиптирован детерминатив, весьма сложно.

Для выяснения возможности эллипсиса детерминатива на русской почве можно привлечь современные варианты названий в русском употреблении: ср. *Ворошья*=*Ворош*, *Окширья*=*Окширь*,

²⁷ Овчинникова Е. И. Коми топонимия в лексической системе русского языка, с. 13.

²⁸ Ромбандеева Е. И. Некоторые этимологии мансийских топонимов; Муминов М. Т. Русская топонимия субстратного происхождения..., с. 80.

Отынья=Отынь, Понанья=Понань, Татья=Тать, Чарах=Чар, Пылыпья=Пылып, Киенурай=Киен, Культурай=Культ и др.

Хотя в данном случае весьма вероятно, что эллипсис произошел на русской почве, укажем на ряд обстоятельств, которые заставляют отнести к этой возможности с известной осторожностью: 1) нельзя исключить, что в некоторых случаях эллиптированные формы являются отражением вариантов, которые имели место уже в языке-источнике (ср. манс. *Косма=Косма-Ур*, хр. в бас. Вижая); 2) не исключена возможность появления русских форм (ср. приведенные выше манс. р. *Авыспи* = рус. р. *Ауспия*) под влиянием господствующей топонимической модели.

Вместе с тем надо признать, что аргументация в пользу того, что эллипсис произошел на русской почве, кажется более убедительной: 1) даже при поверхностном сравнении ясно видно, что на исследуемой территории по сравнению с районами бытования живой мансийской топонимии процент эллиптических названий более высок; 2) в настоящее время невозможно установить, имели ли мансийские названия, выступающие в русском употреблении в эллиптической и полной формах, аналогичные варианты в языке-источнике. Вместе с тем наличие таких вариантов в русской топонимии мансийского происхождения может быть связано с русским усвоением; 3) русские на исследуемой территории заимствовали у манси довольно значительное количество слов-географических терминов. Если эти слова встречались в качестве детерминативов в сложных топонимах, они должны были восприниматься как сочетание основы, чаще всего непонятной для русских, с известным для них географическим термином: *Культурай* (рус. *урай* «старица», ср. манс. *урай* «то же»), *Чарах* (рус. *ах* «протока», ср. манс. *ахт* «то же»). Эллипсис в таких образованиях на русской почве вполне возможен, так как терминированность не характерна для русской топонимии, а эллиптичность, согласно утверждению Б. А. Серебренникова, является ее отличительной чертой²⁹. Может быть, именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что мансийские географические термины, выступающие в русской топонимии мансийского происхождения в самостоятельном топонимическом употреблении, довольно редко встречаются в качестве детерминативов³⁰.

Таким образом, как бы ни решать вопрос о причинах эллипсиса номенклатурного компонента, нельзя не признать очевидный факт: на территории, где мансийская топонимия является субстратной, процент названий с эллиптированным номенклатурным

²⁹ *Серебренников Б. А.* О методах изучения географических названий, с. 39.

³⁰ *Глинских Г. В.* Русская топонимика мансийского происхождения на территории Среднего и Нижнего Припелымья.— В кн.: Вопросы топонимистики. Свердловск, 1971, вып. 5, с. 53.

компонентом неизмеримо более высок по сравнению с современной живой мансийской топонимией³¹.

Если бы к мансийской субстратной топонимии в бассейне Тавды подойти с тех же позиций, с каких Б. А. Серебренников и Е. М. Поспелов подходят к севернорусской топонимии, то окажется, что кроме формантов, восходящих действительно к географическим терминам, могут быть выделены компоненты, отражающие совершенно иные явления языка-источника (например, словообразовательные аффиксы) или же вообще не имеющие к субстратному языку никакого отношения и являющиеся результатом русской адаптации: *-ка* в исходе топонимов (ср. *Алька*, манс. *али* «верхний», *Ампатурка*, ср. манс. *амп* «собака», *тур* «озеро» и др.). Могут быть выделены и «форманты», являющиеся случайными совпадениями: р. *Бут*, ср. манс. *пуг* «котел», р. *Коут*, ср. манс. *коут* «ель», р. *Олта*, ср. манс. *олты* «стая, птичий выводок», р. *Похта*, ср. манс. *похт* «навоз», р. *Рос-света*, ср. манс. *рось* «луг», *вет* «берег», р. *Тальта*, ср. манс. *талт* «пристань» и др.³²

Отсюда становится ясно, что при выделении форманта не следует заранее предполагать, что он обязательно восходит к географическому термину. Более того, приходится считать за возможность выделения ложного форманта, который в языке-источнике фактически ничему не соответствует. Осуществляя классификацию топонимов по формантам, следует постоянно иметь в виду, что это лишь вспомогательный прием, далеко не всегда обеспечивающий успех при исследовании. Тем не менее группировка по формантам является необходимым этапом в изучении субстратной топонимии. Как отмечает А. К. Матвеев, «пренебрежение к топоформантам ведет к потере всякой ориентировки в топонимическом материале»³³.

Во многих случаях успех исследования «обуславливается объективными качествами самого топонимического материала, т. е. теми его особенностями, которые не зависят от исследователя и методов его работы. Так... чем выше формальность географических названий, тем легче они классифицируются и интерпретируются. В частности, субстратная топонимика с четко выраженными лексическими детерминативами пронизывает тех названий, в которых такие детерминативы отсутствуют»³⁴.

Если топонимы, в которых выделен тот или иной формант, образуют достаточно четкий непрерывный ареал, и если основы, употребляющиеся с этим формантом, в пределах ареала встреча-

³¹ См.: Глинских Г. В., Матвеев А. К. Материалы по мансийской топонимике. 1.

³² См.: Глинских Г. В. Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде.

³³ Матвеев А. К. Историко-этимологические разыскания, с. 95.

³⁴ Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии, с. 5.

ются в сочетании с другими формантами, можно полагать, что формант выделен правильно. Конечно, и в этом случае нет полной гарантии, что топонимы с тем или иным формантом восходят к одному субстратному языку, однако есть основания полагать, что топонимический материал, представленный в этой группе, является значительно более однородным, чем вся масса субстратных топонимов, функционирующих на той или иной территории. Если же удастся обнаружить ареальную общность не только топонимов, обладающих тем или иным формантом, но и основ, с ним употребляющихся, то предположение о гомогенности топонимов, в которые входят эти основы и формант, может перейти в уверенность. При этом следует напомнить, однако, что выделенный формант отнюдь не обязательно должен быть географическим термином.

А. И. Попов, признающий в принципе правомерность формантного анализа при первоначальной обработке материала, тем не менее весьма скептически оценивает возможности его применения: «В подавляющем большинстве примеров мы имеем такие области, где нет никакого действительного единообразия, никакой «формульности» в строении даже близких по смыслу названий. Если же такое единообразие в некоторых случаях более или менее и заметно, то оно в значительной мере есть результат действия языка, воспринимающего топонимику, а не языков, ее создавших»³⁵.

Это замечание в значительной мере справедливо, однако все же нет достаточных оснований отказываться от того, чтобы использовать объективные критерии при первичном анализе, когда материал это позволяет. Предлагая взамен этого опираться исключительно на данные исторических письменных источников, А. И. Попов, как нам кажется, в данном случае переоценивает их значение при топонимических исследованиях.

Следующим этапом исследования является фонетический анализ. Именно на этом этапе, очевидно, возможно применение фоностатистического метода, предложенного В. А. Никоновым. Тем не менее, как отмечалось, в настоящее время этот метод практически не используется. Причина этого, кроме уже изложенных, заключается еще в том, что нет достаточно обоснованных фоностатистических спектров по языкам, опираясь на которые можно было бы делать выводы о принадлежности той или иной группы лексики к определенному языку.

Признаки, выделяемые при фонетическом анализе топонимов, могут быть различными. Число и характер их в значительной мере зависят от знаний и интуиции ученого. Впрочем, это ни в коей мере не влияет на объективность исследования. В качестве примера можно привести фонетический анализ топонимов

---

³⁵ Попов А. И. Географические названия, с. 148.

на *-ньга*, произведенный А. К. Матвеевым³⁶. Устанавливается, в частности, отсутствие групп согласных в начале слова, перечисляются гласные первого слога, фиксируется употребление согласных в начале слова, интервокальном положении и в сочетании с другими согласными. Анализ такого рода является, как уже говорилось, достаточно объективным. Вместе с тем и здесь трудно говорить о том, что с помощью процедуры фонетического анализа возможно установить субстратный язык. «Разумеется, необходимо учитывать, что фонетический анализ топонимии неизвестного происхождения приводит не к восстановлению системы звуков языка-источника, а лишь к определению системы рефлексов этих звуков в заимствующем языке»³⁷. Очевидно, некоторые явления могут подтолкнуть к поискам в том или ином направлении, однако ожидать, что появится возможность обращения к конкретному языку, вряд ли правомерно.

Определение языка-источника невозможно без обращения к историческим данным и в значительной степени зависит от наличия различного рода грамот и документов по данной территории, а также от интуиции исследователя. Как пишет А. И. Попов, «в тех случаях, когда недостаточно наличного исторического материала, а филологические суждения проблематичны, так как неизвестен язык, которому принадлежит данная топонимика, лучше всего совсем воздержаться от преждевременных суждений, ожидая, пока найдется какое-либо разъясняющее обстоятельство, дающее ключ к решению задачи. Иногда такого случая приходится ждать годами, причем нередко разгадка приходит совершенно неожиданно»³⁸.

Таким образом, изучение субстратной топонимии требует обращения к межевым и судебным актам, актам наследования, писцовым и переписным книгам и т. п. Нередко данные, извлеченные из письменных документов прошлого, являются единственным источником для правильных суждений о возникновении и процессах изменения географических названий.

Довольно часто указание на язык субстрата можно получить из анализа дублетных названий одного и того же объекта, если одно из этой пары названий является калькой другого. А. И. Попов подчеркивал преимущества этой методики по сравнению с другими. По его мнению, «гораздо более существенным и точным (по сравнению с методом формантов.— Г. Г.) является способ отыскания двойных (двуязычных, переводных) географических имен. Таких имен имеется достаточно, и каждое такое двуязычное название обычно сразу проливает яркий свет и на целый ряд окружающих имен»³⁹. А. И. Попов приводит много

³⁶ Матвеев А. К. Историко-этимологические разыскания, с. 105—109.

³⁷ Матвеев А. К. Субстратная топонимика русского Севера, с. 69.

³⁸ Попов А. И. Географические названия, с. 146.

³⁹ Попов А. И. Географические названия, с. 122; См. также: Попов А. И. Основные принципы топонимического исследования.— В кн.: Принципы топонимики. М., 1964.

примеров калькированных топонимов и убедительно доказывает значение подобных фактов для изучения топонимического субстрата⁴⁰. В конечном счете он даже приходит к тому, что «лингвистическая обработка топонимического материала основывается на рассмотрении массовых однотипных явлений, отыскании переводных двойных (иногда и тройных) имен (билингвы) и тому подобных примерах филологического порядка»⁴¹.

А. К. Матвеев, однако, считает, что возможности этого метода довольно ограничены, и факты такого рода, «хотя и важные, все же не имеют такого решающего значения для успеха исследований в области субстратной топонимики, как степень формальности, многочисленность фактов одного порядка, плотность ареала и, наконец, характер адаптации...»⁴². Очевидно, с этой оценкой следует согласиться. Наличие дублетных названий, конечно, во многом может помочь при изучении, однако ставить исследование в зависимость от этого — значит сильно ограничить и без того не широкие возможности этимологических разысканий в области субстратной топонимии.

А. К. Матвеев подчеркивает, что при определении языкисточника следует опираться лишь на бесспорные исторические данные. Особенно осторожно следует подходить к сопоставлению данных топонимии с данными археологии⁴³. Следует учитывать, далее, «факты взаимовлияния топонимических типов, а также фонетическую и морфологическую адаптацию топонимов усваивающим языком. К тому же субстратная топонимика может быть многослойна и может характеризоваться не только субстратными, но и субсубстратными элементами. Показательными следует считать лишь такие результаты топонимических исследований, которые подтверждаются значительным числом фактов. Но и в этом случае вопрос о языковой принадлежности топонимики решить не легко»⁴⁴.

Тем не менее на основе фонетического анализа, имеющихся исторических данных в подавляющем большинстве случаев возможно построить рабочую гипотезу о происхождении топонимов и перейти к следующему этапу изучения субстратных географических названий — их этимологической интерпретации.

По мнению А. П. Дульзона, этимология субстратных топонимов полностью подчиняется обычным правилам этимологических исследований⁴⁵. При этом не учитываются, однако, особенности топонимов по сравнению с нарицательными лексическими еди-

⁴⁰ Попов А. И. Географические названия, с. 122—134.

⁴¹ Там же, с. 161.

⁴² Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики, с. 7.

⁴³ Матвеев А. К. Субстратная топонимика русского Севера, с. 65.

⁴⁴ Там же, с. 66.

⁴⁵ Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения.

ницами. Дело в том, что при этимологии нарицательных слов значение лексических единиц известно, а при этимологии топонимов оно неизвестно. Различны и задачи исследования: целью этимологических разысканий в области субстратной топонимии является «раскрытие внутренней формы названий, т. е. значения апеллятивов, лежащих в основе топонимов»⁴⁶. Как считает А. К. Матвеев, изучение субстратной топонимии в этимологическом плане в известной степени близко к интерпретации фонетически дешифрованного, но семантически неясного текста⁴⁷. Различия между дешифровкой языкового и топонимического материала обусловлены тем, что последний не представляет таких возможностей для интерпретации, как связный текст⁴⁸. «Если интерпретация текста на неизвестном языке может быть подтверждена анализом других текстов, то интерпретация субстратного топонимического материала почти всегда условна, поскольку в большинстве случаев не может быть проверена. Поэтому значение субстратных топонимов, точнее, значение апеллятивов, от которых они были образованы, установить крайне трудно даже в том случае, когда изучаются многочисленные однотипные факты»⁴⁹. Субстратная топонимия не образует такой системы, для изучения которой с успехом можно было бы применять современные методы интерпретации неизвестных языков. «Функционирующая топонимическая система не содержит полной информации даже о фонетической структуре языка (например, об интонации) и об именном словообразовании, так как в топонимике может быть представлен далеко не весь деривационный инвентарь; что касается лексики, то она отражена здесь в высшей степени однобоко и избирательно, а словоизменение и синтаксис — вообще фрагментарно»⁵⁰.

Таким образом, в силу отмеченных особенностей субстратных топонимов, чрезвычайно актуальной является выработка критериев топонимического этимологизирования.

Любое этимологическое исследование должно опираться на установленные звуковые соответствия. При изучении субстратной топонимии это означает, что необходимо учитывать закономерности, существующие при усвоении русским языком звуков языка-источника. Учет закономерностей фонетической адаптации при этимологической интерпретации заимствованной ономастической лексики приобретает особенно важное значение, так как в этом случае семантический критерий действует более

---

⁴⁶ Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии, с. 10.

⁴⁷ Матвеев А. К. Методы изучения топонимии субстратного происхождения. — В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965.

⁴⁸ Матвеев А. К. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии, с. 4.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, с. 5.

ограниченно, в связи с чем возрастает значение данных, полученных в результате формальных сопоставлений⁵¹. Как отмечал А. П. Дульзон, «восстановление первоначальной формы топонима иноязычного происхождения немислимо без учета тех изменений в форме, которые могут наступить благодаря адаптации»⁵².

Следует отметить, однако, что некоторые исследователи скептически относятся к возможности учета закономерностей адаптации. Так, Б. А. Серебренников считает, что адаптация носит «только единичный и случайный характер»⁵³. В одной из своих работ он пишет: «Каким же образом русские крестьяне в условиях лесной труднопроходимой местности, отдаленные друг от друга на сотни километров, точно сговорившись, могли переделать названия рек типа *Vojman jogi*, *Kesten jogi*, *Paden jogi* по совершенно одинаковому шаблону в названия *Войманга*, *Кестеньга*, *Паденьга*, не оставив ничего от первоначального состояния»⁵⁴.

Несколько иную, но близкую позицию по данному вопросу занимает А. И. Попов. В частности, он пишет: «Крайне вредным является также доверие к будто бы «непогрешимым» фонетическим законам, по которым совершается переход названий из языка в язык. В действительности во многих случаях эти законы нарушаются, что легко можно обнаружить на основе изучения большого актового материала, относящегося к разным территориям»⁵⁵.

Однако, как свидетельствует практика топонимических исследований, отказ от учета закономерностей русской адаптации ведет к субъективизму и утрате объективных критериев топонимических этимологий. Несмотря на то, что в ходе русского усвоения субстратные географические названия подвергаются самым разнообразным преобразованиям, эти изменения в своей массе носят закономерный характер. Выявление их позволяет выработать критерии для оценки правильности той или иной этимологии. Так, автором настоящей работы были проанализированы изменения, которым подвергаются в ходе русского усвоения мансийские субстратные топонимы. В результате оказалось возможным выявить звуковые соответствия, руководствуясь которыми можно оценить правильность или ложность

---

⁵¹ См.: Матвеев А. К. Дофинно-угорская гипотеза..., с. 142.

⁵² Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения, с. 38.

⁵³ Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий, с. 47.

⁵⁴ Серебренников Б. А. О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг*. — Сов. финно-угроведение, 1966, № 11, с. 60.

⁵⁵ Попов А. И. Географические названия, с. 146.

интерпретации⁵⁶. Большое внимание вопросам фонетической адаптации уделяется в работах А. К. Матвеева и А. П. Дульзона⁵⁷.

Кроме фонетической адаптации, субстратные топонимы подвергаются также морфологической адаптации. Процесс морфологического освоения субстратных топонимов состоит в том, что иноязычные названия в русском употреблении приобретают лексико-грамматические характеристики (род, число и т. п.), типичные для слов-субстантивов в русском языке. В формальном отношении сущность этого процесса сводится к тому, что исход названия перерабатывается в соответствии с типичными для русских топонимов конечными морфемами, являющимися показателями указанных лексико-грамматических характеристик в русском языке. В итоге топоним приобретает такие же словоизменительные и словообразовательные возможности в русском употреблении, что и собственно русские названия.

При анализе морфологического освоения необходимо учитывать фактор «огромнейшего выравнивающего действия топонимической системы, подводящей к единообразию вновь осваиваемые иноязычные названия»⁵⁸. В частности, повсеместно обнаруживается общая тенденция замены конечных нерусских гласных звуком *-а*, которая, безусловно, связана с воздействием русской топонимической системы.

Как уже отмечалось, основная трудность этимологического исследования субстратных топонимов обусловлена тем, что в отличие от нарицательной лексики привлекать данные семантики здесь крайне сложно. Вместе с тем исследователи все же пытаются найти методы, которые позволили бы использовать семантику в качестве критерия при этимологизации. Особенно подробно этот вопрос разрабатывается в трудах А. К. Матвеева. А. К. Матвеев полагает, что «эфемерному «чутью» в топонимических исследованиях должен быть противопоставлен строго научный метод, основанный на изучении принципов номинации и установления общих и частных, т. е. присущих данной топонимической системе, семантических моделей топонимов. Выявленные путем анализа топонимики известных языков принципы но-

---

⁵⁶ См.: Глинских Г. В. Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды.— В кн.: Вопросы ономастики. Свердловск, 1976, вып. 11.

⁵⁷ Матвеев А. К. Субстратная топонимика русского Севера; *Он же*. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимики; *Он же*. Дофинно-угорская гипотеза...; и др.; Дульзон А. П. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения; *Он же*. Приемы анализа адаптированных топонимов субстратного происхождения; и др.

⁵⁸ Воробьева И. А. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVIII веке.— В кн.: Вопросы лингвистики. Томск, 1966, с. 104.

минации могут быть затем с известными оговорками приложены к неизвестным языкам»⁵⁹.

Как отмечает А. К. Матвеев, следует различать общие и частные принципы номинации, а также топонимические универсалии. «Общие принципы номинации свойственны топонимическим системам разных языков, а частные принципы характеризуют отдельные топонимические системы»⁶⁰. Оказывается, что при номинации географических объектов существуют довольно устойчивые тенденции использования тех или иных признаков в зависимости от характера реалии. Так, при назывании природных объектов мотивирующий признак обычно содержит информацию о естественно-географических свойствах реалий, в то время как при назывании искусственных объектов выбираются признаки иного характера. Часто при номинации используются признаки величины и формы объекта и т. д.

Критерий семантической мотивированности при этимологизации, таким образом, состоит в том, что получаемые этимологии должны соответствовать принципам топонимической номинации. Иначе говоря, этимология может считаться удовлетворительной в семантическом отношении, если признак, обозначаемый восстановленным словом субстратного языка, может быть поставлен в ряд аналогичных признаков, образующих тот или иной принцип номинации. Использование семантического критерия позволяет увереннее восстанавливать субстратные формы топонимов.

В 1976 г. вышла статья А. К. Матвеева, в которой предлагается новый метод этимологизации субстратных топонимов. Как считает А. К. Матвеев, существующие методы изучения субстратных топонимов нуждаются в дальнейшем совершенствовании. Один из путей этого совершенствования — «идти не от топонимов, а от реалий, или, точнее, от понятий, моделируя компоненты топонимии»⁶¹. Дело в том, что обычный путь топонимической этимологии — поиск слова в языке-источнике, которое могло быть положено в основу при назывании объекта. Учитывая, что язык субстрата может быть неизвестен, возникает ситуация, при которой один и тот же топоним может быть объяснен исходя из фактов разных языков.

Отмечая недостатки этого пути исследования, А. К. Матвеев предлагает «идти не от топонима к исходному апеллятиву, подбирая в различных языках «подходящие» звучания и значения,

---

⁵⁹ Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности для этимологизации субстратных топонимов.— В кн.: Этимология. 1967. М., 1969, с. 195.

⁶⁰ Матвеев А. К. Значение принципа семантической мотивированности..., с. 195.

⁶¹ Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем.— Вopr. языкознания, 1976, № 3, с. 59.

а построив ономаσιнологическим путем на материале привлекаемого для сравнения языка (диалекта) сетку апеллятивных компонентов, постулируемых для данной топонимической системы, идти от нее к топонимам, т. е. составив перечень лексем, которые должны функционировать в топонимии, вести целеустремленный поиск в области субстратной топонимии, «направленную этимологизацию», от языка к топонимии, а не от топонима к языку»⁶².

Конкретно сущность предлагаемой методики заключается в следующем. Зная примерный состав топонимической лексики, можно выбрать ее из словаря предполагаемого субстратного языка и смоделировать на ее базе топонимы, соответствующие структуре этого языка. Затем, учитывая законы фонетической и морфологической адаптации, наложить полученную сетку моделей на топонимическую номенклатуру той или иной территории. Если окажется, что совпадения не единичны, а носят массовый характер, можно считать, что язык субстрата определен правильно, а полученные этимологии обладают большой степенью достоверности. А. К. Матвеев показывает действие данного метода на примере севернорусской топонимии и топонимии Северного Зауралья. Если в севернорусской топонимии значительное число топонимических моделей, созданных на базе саамского языка, нашло почти полное соответствие, то на территории Северного Зауралья совпадения оказались единичными. Следовательно, если для территории русского Севера саамский язык является субстратным языком, то в Северном Зауралье наличие его следов весьма проблематично.

Метод моделирования топонимических систем открывает новые перспективы для этимологизации субстратных географических названий. Конечно, он не может заменить или вытеснить все другие методы, так как применение его ограничено рядом условий: он может быть использован лишь при наличии массового топонимического материала и при условии, если имеется возможность на материале существующего языка или сохранившихся словарей построить достаточно полную сетку моделей. Кроме того, хотя примеры применения метода, приведенные А. К. Матвеевым, весьма убедительны, необходима тщательная проверка его на других территориях.

Таким образом, в настоящее время топонимическая наука обладает целым арсеналом методов, которые позволяют в целом успешно исследовать субстратную топонимию. Вместе с тем продолжает оставаться актуальным совершенствование этих методик и поиск новых.

---

⁶² Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов..., с. 61.